

государств и народов в сфере культуры, авторский коллектив исходил из убеждения в том, что византийская культура не только оказала воздействие на многие соседние страны, но и сама подвергалась постоянному влиянию культуры как племен и народов, населявших ее, так и сопредельных с ней государств.

Взаимовлияниям и взаимосвязям между Византией и соседними странами и народами была посвящена значительная часть докладов XI сессии.

В прочитанном на пленарном заседании докладе «Образ Византии в представлении „варваров“ VI—IX вв.» Г. Г. Литаврин (Москва) впервые в историографии проанализировал свидетельства источников VI—IX вв. с точки зрения выявления представлений «варваров» (прежде всего славян догосударственной эпохи) о Византии, ее внешней политике, дипломатии и официальной политической доктрине. Изложив те методологические принципы, которые необходимо соблюдать при изучении византийских источников, отличающихся, как правило, особой тенденциозностью при описании «варварского» мира, Г. Г. Литаврин показал, что формирующаяся знать «варварских» военно-политических союзов отвергала в эпоху конфронтации с империей основные имперские положения византийской политической теории и противопоставляла им свою систему идейно-политических воззрений, враждебных империи и призванных обосновать законность собственных притязаний на земли Византии.

Различные аспекты византино-готских, византино-болгаро-славянских и византино-русских взаимоотношений и культурных взаимовлияний были освещены в докладах В. П. Будановой (Москва), И. Н. Лебедевой (Ленинград), Р. А. Наследовой (Москва), М. Ю. Брайчевского (Киев), О. А. Белобровой (Ленинград), П. А. Раппопорта (Ленинград), Т. Ю. Ивакина (Киев), Ф. Д. Гуревич (Ленинград), Е. С. Столярик (Одесса), А. А. Рыбакова (Вологда), В. В. Кучмы (Волгоград), Я. Н. Шапова (Москва).

В. П. Буданова изложила в своем докладе выводы, к которым привел ее анализ свидетельств письменных источников о формировании вестготов и остготов. Эти свидетельства, по мнению докладчицы, показывают, что образование двух готских племенных союзов не было одновременным актом, имевшим место в III в., а являлось сложным историческим процессом, занявшим длительный период. Ускорению формирования этих союзов способствовало их переселение в пределы Византийской империи.

И. Н. Лебедева выступила с докладом «Повесть о Варлааме и Иоасафе в Византии и у восточных и южных славян». Она отметила, что среди многих версий Повести — одного из самых популярных памятников мировой литературы средневековья, известного более чем на тридцати пяти языках народов Азии, Европы и Африки, — важнейшее место принадлежит греческой, созданной в начале XI в. на Афоне на основе грузинской версии; греческая Повесть послужила оригиналом для многих переводов, в том числе и для древнеславянских. Анализ большой старославянской рукописной традиции Повести (при систематизации полных текстов которой докладчицей был использован метод, примененный в свое время Ф. Дэльгером при анализе рукописной традиции греческой версии Повести: разделение списков на группы по типам заглавий) позволил И. Н. Лебедевой выделить пять типов текста, среди которых три являются основными. Сравнительный анализ этих трех типов славянских текстов показал, что они представляют собой три перевода греческой Повести. Старейший из них уже вошел своими частями в русский Пролог (это, по видимому, русский перевод, сделанный в Киеве не позже начала XII в.); второй перевод — сербский, появляющийся в списках XIV в. на Афоне; третий — болгарский, сделанный на Афоне в Лавре св. Афанасия в XIV в. на основе повторного сличения сербского текста с греческим оригиналом и исправления многих частей этого сербского текста. И сербский и болгарский переводы Повести широко распространились в русской письменности XIV—XVIII вв., что еще раз свидетельствует о роли Афона как